

Рассказы старого боцмана

Константин Станюкович

На другой галс

«Public Domain»

1900

Станюкович К. М.

На другой галс / К. М. Станюкович — «Public Domain»,
1900 — (Рассказы старого боцмана)

Содержание

I	5
Конец ознакомительного фрагмента.	7

Константин Михайлович Станюкович

На другой галс ¹

I

Однажды, когда июльский день в захолустном городке выдался особенно жаркий, Нилыч и я спасались от палящего зноя под густой листвой дикого винограда беседки в фруктовом саду.

Разумеется, Кудластый был с нами. Он спал, всхрапывая тяжело и беспокойно.

Нилыч, возвратившись ранним утром с купанья, нарубил сажень дров и аккуратно сложил их, потом дал обычный урок маленькому Абрамке и, по окончании урока, занялся починкой кое-каких погрешностей своего костюма.

Теперь, после двух рюмок водки, плотного завтрака и недолгого сна в своем сарае, Нилыч с чистой совестью и по праву благодушествовал, покуривая трубку и ловко сплевывая в сад через открытую дверь беседки.

Кругом стояла мертвая тишина. Зной точно истомил людей и животных. Все притихли. Городок будто замер.

Со двора и из дома ни звука.

Не слышно было гнусавого и нежного голоса “уксусной” хозяйки, имевшей обыкновение “скулить”, как выражался Нилыч, упрекая Акцыну и Карпо решительно за все, за что только могла придумать придирчивая скарденность хозяйки.

Она “скулила” и за то, что наймиты не берегут хозяйского добра и не жалеют “бедной слабой женщины”, и за то, что получают жалованье совершенно напрасно.

Не раздавалось протестов Акцыны и иронических ответов Карпо. Не слышно было шуток и перебранок между собой их молодых певучих голосов. Обыкновенно болтливые, они словно набрали в свои рты воды. Не мурлыкал лениво и Карпо. И куда делся он, не могла бы ответить и Акцына, дремавшая в кухне.

Почтенная свиная семья – маменька, папенька и пять боровков – растянулись под забором и – ни хрюка. Не шелохнулась, ни разу не крякнув, стайка уток, забившаяся в траву. Не видать ни гусей, ни индюшек, ни хвастуна павлина. Даже два петуха не вскрикивали как оглашенные, что жарко, и курицы не кудахтали и куда-то попрятались.

Нилыч не раскис от жары и неожиданно и несколько возбужденно вдруг проговорил, понижая свой громкий голос бывшего боцмана:

– То-то оно и есть, вашескорodie! Вовсе чудные загвоздки бывают на свете, ежели подумать... Поди обмозгуй их!

После этих слов Нилыч снова смолк.

Смолк и задумался, подняв глаза на кусочек голубого неба, с которого глядело ослепительно-жгучее солнце, заливавшее блеском замлевшие деревья и рдевшие плоды перед беседкой, словно бы искал в бирюзовой лазури объяснения “загвоздки”, и даже не раскуривал потухшей в его зубах трубочки.

Прошла так минута, другая задумчивого созерцания Нилыча.

Наконец он отодвинулся в тень беседки, сунул трубку в карман своих широких полотняных штанов и, обративши ко мне сморщенное загорелое лицо, раздумчиво произнес:

– Я и говорю: не понять, вашескорodie!

– Что не понять, Нилыч?

– Да человека... Жил себе, примерно сказать, все время на одном галце и вдруг круто обернул на другой галц. И раскуси, по какой такой причине? Что у его в душе? В том-то и

загвоздка, что быдто из-за смеха... И уж как его ни утихомиривали – и так и этак – ничего не боялся человек, а смеха испугался... И ведь кто его поднял на смех? Прямо-таки вроде молодкососа... И из-за такого зубоскала и – поди ж – переменял весь курц жизни, вашескорodie!.. А доложу вам, что был человек не то чтобы в легких годах, а в пожилом возрасте... За пятьдесят перевалило, как он вошел в другое понятие... Почему? В каких смыслах? А он ни гу-гу... На другой, мол, линии – и шабаш! Просто, вашескорodie, ошарашил, и никто не обмозгует насчет поворота... Да и как не обалдеть? Небось вовсе обалдеешь рассудком, ежели, примерно сказать, здешняя укусная барыня да вдруг встанет утром совестливой и не заскулит, что ее, скареду, обкрадывают. Так точно и тогда, вашескорodie... Ума помрачение быдто нашло... Смотрим и не доверяем глазам...

– Да вы про кого это, Нилыч?..

– Да про боцмана Шитикова. Три года я с им ходил в дальнюю, на “Вихре”. Добрый конверт был, вашескорodie... Так вот этот самый боцман Шитиков... Может, изволили слышать?..

– Нет, не слыхал...

– Вовсе обозленный был человек и уж такой беспардонный по свирепости, что другого такого боцмана я во всю службу не видал, вашескорodie... А кажется, видел боцманов! И бил вроде смертного боя, и уж ежели кого пороть прикажут, то Шитиков обязательно сам лупцует линьками и как есть палач... Начнет и распялется... И что дальше, то больше... Вовсе в озверение входит... И никакой пощады... И никому...

– С чего он, в самом деле, был такой зверь? – спросил я.

– То-то и я хотел дойти своим понятием до этого самого. Почему, мол, в Шитикове такая озлобленность и на своего же брата – матроса? Не зверь же он в мужиках был... Земляки сказывали, что никакой злобы не оказывал... И когда в матросы поступил, не было в ем характера, который временем объявился...

– Как же вы, Нилыч, объяснили себе зверство боцмана?..

– Самой флотской службой, вашескорodie. Из-за страха перед тогдашними начальниками, чтобы не отшлифовывали самого, он и озверел... Отличиться хотел... Так по всему оказывало, ежели вникнешь с рассудком... То-то оно и есть, вашескорodie. Такие загвоздки бывают, что и человек вдруг зверем станет по трусости перед боем и линьками... Небось изволили слышать, какая была прежде служба? Тоже хоть и теперь взять, например, укусную... За что она теснит и на деньги зарится?.. Ежели обмозговать, так и она не зря паскудой стала! – не без философского поучения прибавил Нилыч.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.